

УЗУАЛЬНАЯ И ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б.В. ШЕРГИНА: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Комкова Нина Илькамовна

кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Тульский
государственный университет»
lingvo_2012@mail.ru

THE USUAL AND OCCASIONAL VOCABULARY IN THE LITERARY WORKS OF BORIS SHERGIN: SEMANTICS AND FUNCTIONS

N. Komkova

Summary: The article is devoted to the study of occasional and usual vocabulary in the works of Boris Shergin. Based on the material of prose from different years, it is revealed that lexical units allow us to represent the moral and spiritual characteristics of the Pomors, compatriots of the writer. The semantic cluster reveals the peculiarities of the functioning of lexical units. Phraseological actualizers compile the life path of the heroes and the harsh nature of the Arkhangelsk Region into a kind of cognitive aspect of the perception of the cultural heritage of the Pomors as a whole.

Keywords: occasionalisms, usual vocabulary, the writer's language, literary text, lexical representations.

Аннотация: Статья посвящена изучению окказиональной и узуальной лексики в произведениях Б.В. Шергина. На материале прозы разных лет выявлено, как лексические единицы позволяют репрезентировать моральные и нравственные характеристики поморов, соотечественников писателя. Семантический кластер раскрывает особенности функционирования лексических единиц. Фразеологические актуализаторы компилируют жизненный путь героев и суровую природу Архангельского края в некий когнитивный аспект восприятия культурного наследия поморов в целом.

Ключевые слова: окказионализмы, узуальная лексика, язык писателя, художественный текст, лексические репрезентанты.

Окказиональная единица речи – языковая единица, используемая в высказывании или произведении автора [1, С. 311]. Терминология «окказиональное слово» впервые была предложена Н.И. Фельдман, которая исследовала его как личное словообразование автора, превалирующее в использовании лишь одного или нескольких лиц [2, С. 72]. Окказиональные единицы речи несут новизну и используются лишь в заданной речевой ситуации. Собственно окказиональные лексические единицы отражают не только мировоззрение автора, но и черты региона, в которой он родился и наследие которого адресовал широкому кругу читателей [3, С. 68]. Для того или иного топоса характерен определенный набор фонетических, морфологических, синтаксических признаков, несущих семантическую компиляцию ряда из них. Например, диминутивная коннотация для Pluralia Tantum вместо Singularia Tantum [1, С. 314]: «**Карбасиш-ко тонок и лёгок, а по Гандвигам пройдёт не всполохнется**» («Запечатленная слава»).

В основе языка художественных произведений Б.В. Шергина – самобытность напевной речи архангельских поморов. Окказиональные единицы речи представляют собой некий синтез устного материала автора и текстового дискурса его художественных произведений. [4, С. 225].

Окказиональными применительно к поморскому языку, характерному для творчества Б.В. Шергина, явля-

ются те лексические единицы, которые репрезентированы только в произведениях и дневниковых записях писателя и не встречаются в текстах других поморских авторов хронологически раньше, чем в его рассказах. Они отражены в «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснении собственных имён и названий», принадлежащих данному писателю [5, С. 464]. Эти лексические единицы превалируют в границах северно-русского поморского лексикона и умеренно варьируются в качестве лингвокультурного когната неологизмов, но лишь характерных для исконно поморского топоса, его диалектных и культурных черт [4, С. 145].

Создание окказионального пласта языкового наследия, довольно частотная форма образования новых слов сквозь призму текста художественной литературы. В исследованиях О.Г. Ревзиной отмечено, что у окказиональных единиц речи есть особое назначение или унифицированная функция [6, С. 305], репрезентированная только при условии доминантных характеристик и особенностей идиостиля конкретного писателя. Основная функция окказионализмов в языке прозы Б.В. Шергина, на наш взгляд, индивидуально-авторское мировосприятие воссоздание с последующими созданием и воспроизведением в художественных текстах автора: «Пропитав своими неповторимыми словами речь жителей Архангельского городка, он стал частью этой речи. И даже выше неё самой по напевному звучанию, плавности по-

вестования. Вместе с Шергиным и читатель вдруг может очутиться на причале, увидеть мощь Белого моря, послушать песни лодочников и рыбаков... Вся сила их величия в его слове, ибо его слово и есть Архангельск» [7, С. 105].

Окказиональные лексические единицы в произведениях Б.В. Шергина подразделяются на три преобладающие группы: имитация живой речи поморов, типизация разговорно-просторечной манеры повествования и окказионализмы как стилистическое средство экспрессивной оценки.

Окказиональная лексика как средство имитации живой речи поморов в художественном тексте занимает, на наш взгляд, доминантное место в прозе Б.В. Шергина, хотя объём его употребления и не столь велик. Вообще авторская имитация поморского лексикона была настолько запоминающейся и яркой, что его земляки и коллеги писателя по перу репрезентировали в своих произведениях именно шергинские окказиональные лексические единицы. Так, в исследованиях одного из самых последовательных исследователей рассказов писателя выявлено, что глагол расшеперить («растопырить»), воссозданный в творчестве многих северных писателей, был впервые использован именно в рассказах Б.В. Шергина [8, С. 9]: «**Расшеперился** Пых на Фатьяновы наряды. Не пройти-не встать. На себя одеяло тянет, хочет хозяйшек вновь на свои заморские узоры привлечь. Только баба не дура, второй раз не раскланяется перед тряпкой мудрёной, да совсем уже и неприметной после дождя первого...» («Дождь»). Вышеуказанный глагол, который исследователи репрезентируют как «исконно шергинский» [8, С. 4], вошёл в произведения многих поморских писателей, в частности С.Г. Писахова [8, С. 9]. Так, в сказке «Девки в небе пляшут» писатель, мастерски использует данный шергинский окказионализм, оттеняя величие и неподражаемую красоту народного танца: «Все разряжены в штофниках, в золотых коротеньких, в золочёх жемчужных повязках на головах. Ленты на шёлковы шали трепещутся, наотмашь плывут. Все наряды **растопырились**, девки **расшеперились**. В синем небушке – оно цветы зацвели!» («Девки в небе пляшут»). Глаголы *растопырились*, *расшеперились* использованы в составе бессоюзного сложного предложения для доминантно-образного воссоздания уникальной севернорусской манеры танца: «Это движение в танце истинно шергинское, одному ему присущее. Без него поморский танец уже не так смотрится. Только архангельские девки умеют так голову держать да руку за пояс заложить, будто лебедь белый плывёт. И не один ведь, а ровным строем струящимся» [9, С. 14].

Окказионализмы исконно поморского происхождения вводят героев писателя в контекстуальные ситуативные конструкции, при этом определяя их семантическую доминанту: «Домой приедем, ведь навигация почти

завершена. Увидим родных своих, деток. Жёнку обнимем. **Скорополучно** домой ждите» («Детство в Архангельске»). В контексте наречие *скорополучно* означает «через непродолжительный отрезок времени и в полном здравии и благополучии» [5, С. 472]. Долгожданное возвращение всегда являлось первостепенным, для тех, кто ждал своих мужей и отцов из долгих промысловых походов по Белому морю, каждую минуту переживал за исход их рыболовной кампании.

Другой наиболее частотный окказионализм, характерный для рассказов писателя, – переплав: «*Лоушкин больше всего любил старинные, давно забытые чертежи дальних плаваний. У него даже имелись своеручные чертежи **переплава** по Ледовитому океану*» («Запечатленное слово»). Под *переплавом* подразумевается многолетнее и многотрудное плавание, то есть от переплывать – проплыть по многим местам или в очень долгий промежуток времени» [5, С. 469]. Жителям Архангельского края всегда было необычайно важно следить за всеми корабельными направлениями и планами, освоенными старшим поколением, ведь именно эти знания всегда были залогом успешности и безопасности той или иной экспедиции.

Суровый климат подразумевал умение сخорониться от холода и порой жестокой мерзлоты Белого моря: «С сентября начинают приходить с Гандвига **озябные** ветра. Целый день кружит дождь, а ещё лебеди и гуси, гагары и утки, любая же птица. Они летят в неизведанные доселе края. Там нету зимы, одно только лето» («Двинская земля»). *Озябные* – «очень холодные, студёные и мёрзлые», то есть от озябать «погибать от холода, страдать от холода» [5, С. 468].

Окказиональные лексические единицы являются одним из доминантных средств речевой типизации просторечия, отразившихся в художественных произведениях Б.В. Шергина.

Прежде всего, эта многоплановость затрагивает изменение границ семантического плана слова посредством расширения значения, включая изменение норм лексической сочетаемости: «*Люлин порешает знакомить свою сестру Федосью Ивановну со всей, без исключения, младшей корабельной командой, наказывая повиноваться ей честно и грозно*» («Двинская земля»). *Грозно*, то есть без сомнений и даже с неким страхом, что является следствием семантического искажения, характерного для просторечий узусуального значения наречия *грозно* – «порождая страх» [5, С. 464].

Все окказиональные лексические единицы в прозе Б.В. Шергина так или иначе сопряжены с корабельным ремеслом, рыбным или охотничьим промыслами. Например, глагол выкатать подразумевает «извлечение

частей судна из целого карбаса», а наречие людно – «большое скопление народа на Архангельской пристани»: «Взойдут на карбас, сходи закроят, приставы **выкатят**, якоря выставят, паруса расправят. Ветер волнует паруса» («Мурманские зуйки»), где *выкатать* «извлечь что-либо, вытаскивая часть из целого [5, С. 464]; «**Людно** народу-то на заводах лесопильных жидется, в доках да в мастерских, на карбасных заводах да в парходных конторах. Архангельск у нас главный город северных краёв неизведанных. Для каждого найдётся работа и дело правое» («Двинская земля»). В данном рассказе людно имеет семантическую окраску «излишне много» [5, С. 465]. Синтаксическая конструкция людно народу образована посредством плеоназма, так как номинатив народ и краткая форма адъектива людно семантизируют эквивалентное понятие – «очень много людей».

Зачастую окказиональные лексические единицы в прозе Б.В. Шергина выступают как общеупотребительные слова, но с совершенно новым семантическим посылом: «В светлый и славный Архангельский град много дорог ведёт и путей старых да незнакомых. Эдаким **плотным** дорогам у нашего достославного Архангельска приходит конец, начинается морская слава» («Двинская земля»). Адъектив *плотный* употребляется в значении «твёрдый, крепкий» [5, С. 472]; «Полы свежи и новы. Хоть в кухню зайди да пол глаженным ситцевым платочком **продёрни** – платочка свежего не испортишь» («Двинская земля»). Глагол *продёрнуть* актуализирован в значении «потрогать какую-либо поверхность, провести по ней рукой» [5, С. 472].

Окказиональные формы лексических единиц могут включать в себя искажение причастных или деепричастных оборотов, тем самым создавая непередаваемую манеру северного языка: «Хозяин, **бояся**, чтобы мастер во гневе работы не покинул, дондеже прибежал на строительство, на привязи за Тектоном ходит» («Рождение корабля»). Изменение общеупотребительного деепричастия *боясь* создаёт живую картину строительства нового корабля строгим мастером Тектоном.

В художественных произведениях Б.В. Шергина частотны и фонетические трансформации: «Неужели они, батюшка, тройма трехмачтовый корабль поставит **могут**. Юны же совсем» («Рождение корабля»). Замена общеупотребительного глагола могут просторечием *могут* подчёркивает мастерство работников, несмотря на их совсем ещё юный возраст.

В прозе писателя встречаются и префиксальные трансформации (присоединение префикса или его замена по сравнению с исходным материалом). Сюда входят и нульпрефиксальные (элиминация префикса при сохранении с первостепенной семантикой номинатива): «Неволя отменена, да совесть **взаконена!**...» («Митина

любовь») – общеупотребительное *узаконена*; «Необъятна и достославна тихая река наша, где ночью с архангельской горой встречается море. Тут островами обильно: пески лежат и леса стоят. Где берег **возвыше**, там люди наставились хоромами» («Двинская земля») – общеупотребительное *повыше*; «В заморозы к полуночи начинается в синем бархате небесном пояском серебряным продёргивать с запада до востока, а с севера **заподымается** как бы утренняя заря» («Двинская земля») – общеупотребительное *поднимается*; «Это кораблику не беда, когда ветер попутный, в затылок; горе, если со всех румбов **заповёртывает**. В такую немилостивую погоду-то корабельная команда по несколько суток не спит и не ест» («Мурманские зуйки») – общеупотребительное *повёртывать*; «В море-то долги и широки пути да дороги, и высоко под звездами ходит и не может стоять. Упадут на него ветры, как руки на струны, убежится море волнами, что снег. Гремят голоса, как голоса многих труб, – голоса моря, поющие ужасно и сладко. А пошумев, замкнёт свои тысячеголосые уста и глаже стекла **изравнится**» («Двинская земля») – общеупотребительное *выравниваться*; «С полудня несметно путей пришло в полуночный и светлый Архангельский город. Тем плотным дорогам у нашего города конец приходит, полагается начало морским беспредельным путям. Город мой, родина моя, ты дверь, ты ворота в **недоведомые** полярные страны» («Двинская земля») – общеупотребительно *неведомый*; «В Гандвиг **пала** Архангельская Двина» («Двинская земля»), где глагол *впала* образован от инфинитива *впадать*; «Он побуде с нами немножко и в море **сторопится**» («Детство в Архангельске») – общеупотребительное *заторопится*; «Как на широком месте качнуло, хозяйский брат **прохватился**: – Ты пьян, мужик? Куда ты правишь? Почему долго едем?» («Рождение корабля») – общеупотребительное *спохватился* и другие конструкции.

В художественных произведениях Б.В. Шергина встречаются также суффиксальные трансформации (чаще всего образованные по продуктивным суффиксальным моделям, а также посредством субституции узуальных формообразующих суффиксов): «Капитан представился ребятам **строжающий**. Чуть не угодят – и... гроза. В наказание на берег не отпустит» («Мурманские зуйки») – общеупотребительное *строжайший*; «И, надеясь на прежнюю дружбу, что он прежде к нам хаживал, хлеба едал, квасу пивал, послался отец к Конону Ивановичу с **писемцем**» («Рождение корабля») – общеупотребительное *письмецо* и другие конструкции.

Прозе писателя присущи аффиксальные образования (префиксально-суффиксальные, префиксально-постфиксальные и другие), в том числе от лексем иной частеречной принадлежности: «Норвежане и датчане не раз пожалели, что отпустили из рук такого строителя, и не одна **докупались** до Конона, манили деньгами, но

он **не покорыствовался** и не поехал» («Рождение корабля») – общеупотребительные *покупать, корысть* и т.д.

Также встречаются окказионализмы, образованные при помощи словосложения, в том числе из словосочетаний, а также в результате окказиональной субституции одного из компонентов посредством узуализации сложного слова: «Если сразу приморозит, то и реки станут-то и саням-то – путь. А упал снег на талую землю, тогда распута протяжная, по рекам **тонколёдица**, между городом и деревнями сообщения нету» («Двинская земля») – общеупотребительная синтаксическая конструкция *тонкий лёд*; «И вот мы получили для переписывания книгу **стогодовалую** премудрую, под названием “Морское знание и умение”» («Детство в Архангельске») – общеупотребительное *столетний* и т.д.

В отдельную группу можно выделить окказионализмы, образованные посредством трансформации разговорных и просторечных слов. Вышеуказанные окказиональные лексические единицы используются чаще всего для ещё большего усиления эффекта присутствия народной речи на основе её типизации в прозе Б.В. Шергина: «**Почесал** Матвей от радости на корабельную пристань» – («Матвеева радость»), где разговорно-сниженное *чесать* – «очень энергично, решительно, с напором делать что-либо» [5, С. 472].

Окказиональные лексические единицы в качестве стилистического средства экспрессии и эмоциональной оценки в достаточном объёме репрезентированы в художественной прозе Б.В. Шергина как количественно (соизмеримо с её использованием в качестве средств имитации поморской речи и языковой типизации просторечных форм), так и качественно (посредством различных способов и моделей словообразования и речевой реализации): «Машины любил глядеть, только гулко, громоносного свиста отправляющегося в океан парохода я, маленький, боялся, ревел. До свистка выгрузят меня подальше на берег. Я оттуда колпачком машу» («Детство в Архангельске»); «К полуночи заповорачиваются на крыше флюгера, заплачет в трубе норд-вест. Мама охватит нас руками: – Ох, деточки-то! Что на море-то делается... Папа у нас там!» («Детство в Архангельске»); «О, коль тяжко и горько, печали и тоски несказанной исполнено человеку водою конец принимать! Тотчас же многостонен и безутешен, там – увы, увы! – вопиют, и нет спасающего...» («Двинская земля»); «Опять из-за моря протянутся пальцы долги без меры и заходят по небу. Да заря займётся ужасная, как бы пожарная» («Двинская земля»); «От Студёного океана на полдень развеличилось Белое море, наш светлый студёный Гандвиг» («Двинская земля»); «У нас в Архангельске до году ребят на карточку не снимали, даже срисовывать не давали, и пуще всего зеркала младенцу не показывали. Потому, верно, я себя до году и не помню. А годовалого

меня увековечили. Такое чудышко многострадальное в альбоме сидит, вроде гири на прилавке» («Детство в Архангельске») и т.д.

Окказиональные лексические единицы как стилистическое средство экспрессии и эмоциональной оценки широко и в достаточном объёме репрезентированы Б.В. Шергиным также в юмористическом и сатирическом контекстах. Они создают неповторимую сатирическую оценку тем или иным событиям, героям. Зачастую посредством них полностью меняется семантический план контекста: «Тогда Конон Иванович, губу закусив, поднял толстого за шиворот и **огрузил** в воду, чтобы его благородие прохладилось... И, опять тряхнув, бросил в карбас, ажно поддон заговорил» («Рождение корабля»), где окказиональная лексическая единица – *огрузить* актуализирована в значении «погрузить», выступает омонимом к *огрузить* в значении «отяжелеть, сесть в воду глубже должного» [5, С. 470]. В синтезе с адъективом толстого глагол *огрузил* порождает комический эффект в контексте произведения. Вышеуказанный пример репрезентирован и в рассказе «Слово о Ломоносове»: «Когда студенты-то учиняли дебош, Генкель считал зачинщиком всегда Ломоносова. Однажды обвинил даже в покушении на жизнь своего отрока. Михайло возмущается: «Кайафа (Генкель) сказывает ябеду же, будто се я ево сына топил. Я не топить, я носил ево крестить для того, что католицкое обливание почитаю несущественным. И я Генкелева Яшку трижды благочестно **огрузил** в реку. И то ему, Яшке же дондеже, на пользу. Кряду прочухался и стрелой от меня полетел. А к купели я его, эдакова пьяную тушу, на себе нёс, сам будучи худ на ногах...» («Слово о Ломоносове»). Глагол *огрузить* в сочетании с наречием *благочестно* детерминирует сатирический контекст в слиянии с синтаксической конструкцией трижды и *благочестно*; «В гостюшки тебя зазовут-то, в чаю, в кофею чего надо споят, страшну квазимоду и возьмёшь в жёны...**молекулу**...» («Митина любовь»). Номинатив *молекула* репрезентирован в значении «неказистая девушка», что в синонимическом ряду со *страшну* и *квазимоду* образует сатирический контекст посредством неожиданного использования *молекула* в качестве пейоративной оценки степени девичьей красоты [3, С. 104] и т.д.

Лексические трансформации в прозе Б.В. Шергина употребляются как нечто естественное, само собой разумеющееся, без семантизации в контекстуальном ряду, хотя в некоторых аспектах сопряжены с метаязыковым рефреном (в том числе, что весьма показательно, объясняются с использованием лексических единиц поморской речи): «Норвежане-то и датчане не раз пожалели, что отпустили из рук такого строителя, и не одна докупались до Конона, манили деньгами, но он не обзавирился и не поехал» («Рождение корабля»); «В непогоду-то великую, когда старик наш Гандвиг в тысячу труб тру-

бит и кипит валами, Владимирко непременно придёт разъярённому Сувору под руку. Ясненько, хорошую затрецину и заработает... На экого винограда, чтобы девка его не обзарила!» («Мурманские зуйки»). В представленном контексте поморский глагол *обзариться* репрезентирован в значении «соблазниться, прельститься, заглядеться» [5, С. 472] и т.д.

Окказиональные лексические единицы имеют преимущество перед узуальными языковыми конструкциями, что позволяют писателю нивелировать языковые рамки, реализовать сугубо авторскую позицию в художественном тексте, в котором они часто репрезентированы как носители центральных художественных смыслов – ключевые слова, стягивающие к себе всю совокупность смыслов» [10, С. 207]. Семантическая направленность окказиональных лексических единиц в языке художественных произведений Б.В. Шергина содержится, прежде всего, в смысловой экспрессии, когда с помощью окказиональных лексических единиц содержание (смысл) сообщения передается с наибольшей выразительностью. Особенно ярко выражается эта тенденция в тех случаях, когда окказиональные слова вводятся автором концентрированно, в достаточном объеме при этом в относительно малом по объёму контексте. В рассказе «Лебяжья река» Б.В. Шергин использует одновременно два лексических окказионализма в одном простом и небольшом по структуре предложении: «**Самолучшие живописцы Иван Губа да Иван Щека усилились однажды, сколотили артель**» («Лебяжья река»). Адъектив **самолучшие** в значении «превосходящие всех в чём-либо» не только репрезентирует перед читателем некую атмосферу уникальных культуры и творчества поморских мастеров, но и создаёт контент превосходства вверенной им профессии. В глаголе усилились, наряду с реализацией одной из своих узуальных сем «стать более интенсивным по степени своего проявления» [5, С. 469], актуализируется ещё одно значение, «проявить себя в творчестве самым лучшим образом», что наращивает семантику адъектива в превосходной степени: богаче и уникальнее поморского искусства просто не может быть по определению.

Градация семантической экспрессии наиболее полно репрезентирована, на наш взгляд, в рассказе «Лебяжья река» в вышеуказанной синтаксической конструкции: «Самолучшие живописцы Иван Губа да Иван Щека усилились однажды, **сколотили артель**. Артель рассыпалась»

(«Лебяжья река»). Здесь противопоставлены не менее экспрессивные просторечные глаголы *сколотили* в значении «собрать, организовать кого-либо или что-либо» [5, С. 472] и *рассыпалась* в значении «перестала существовать как единое целое, распалась, разрушилась» [5, С. 471], используемые для того, чтобы максимально ёмко и выразительно актуализировать следующую мысль: каждый истинный («самолучший») мастер, как бы высоко он в своём уникальном творчестве ни поднимался («усиливался»), всегда останется единственным в своём роде, не сможет разделить своё искусство, свой талант с другим художником, каким бы «самолучшим» тот ни был и как бы тот, в первую очередь, ни «усиливался» в своём мастерстве [11, С. 93]. Проанализированный отрывок показывает, что экспрессивно насыщенный контекст возможен даже при минимальном использовании выразительных средств языка (два простых предложения, 13 слов, из которых два разговорных и два окказиональных).

Таким образом, окказиональные лексические единицы в художественных произведениях Б.В. Шергина как инструмент создания народной речи имеют в своём использовании ряд особенностей, проявляющихся в следующих основных аспектах, которые можно дифференцировать по степени их значимости в формировании определённой части словаря автора, делающей легко узнаваемым текст каждого его литературного произведения. Прежде всего, это поморский лексикон – исконный язык поморов как главный (и в лингвокультурном, и в собственном языковом плане) источник лексического пространства прозаических текстов Б.В. Шергина. Также это типизация поморской речи в литературном тексте путём введения в него отдельных лексических единиц, характерных для поморских говоров и хорошо известных автору (входящих в активный и пассивный словарный состав его идиолекта) и окказиональная лексика, используемая не только как средство выразительности и образности, но и как способ создания литературного идиостиля, близкого к речи поморов и поморскому лингвокультурному коду. Наконец, это и стилистически дифференцированная лексика, которая занимает в словаре писателя весьма заметный объём и используется в его произведениях как эффективное средство языковой стилизации поморской речи, и лексические репрезентанты концептосферы Русского Севера, а именно, лексические единицы, которые используются как метаязыковые рефрены ключевых концептов мировоззрения и менталитета севернорусских поморов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буряковская А.А. Диминутивность в различных стилистическо-функциональных типах дискурса / А.А. Буряковская // Психика и жизнь [Электронный ресурс] / Бехтерев В.М. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып.1. – С. 310–316.
2. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография / Н.И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.
3. Комкова Н.И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б.В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук / Комкова Нина Илькамовна. –

- М., 2021. – 217 с.
4. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / Ломакина Ольга Валентиновна. – М.: РУДН. 2018. – 341 с.
 5. Шергин Б.В. Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий / Б.В. Шергин // Шергин Б.В. Повести и рассказы. – Л.: Лениздат, 1984. – С. 464–476.
 6. Ревзина О.Г. Поэтика Окказионального Слова / О.Г. Ревзина // Язык как творчество: сб. науч. тр. к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1996. – С. 303–308.
 7. Шульман Ю.М. Запечатленная душа (очерк жизни и творчества Бориса Шергина) / Ю.М. Шульман. – М.: Фонд Бориса Шергина, 2003. – 286 с.
 8. Горелов А.А. «Словесный жемчуг» Бориса Шергина / А.А. Горелов // Шергин Б.В. Повести и рассказы. – Л.: Лениздат. 1984. – С. 3–9.
 9. Горелов А.А. Поморское узорочье / А.А. Горелов // Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки. – М.: Современник. 1983, С. 6–15.
 10. Ломакина О.В. Проблемы изучения языковой личности Л.Н. Толстого в когнитивном аспекте / О.В. Ломакина // Текст и языковая личность: материалы V Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, 26–27 октября 2007 г.) / под ред. Н. С. Болотновой. – 2007. – С. 206–209.
 11. Ломакина О.В. Фразеоконтекст: от теории изучения к практике интерпретации / О.В. Ломакина // Филология и культура. – 2015. – № 4(42). – С. 92–97.

© Комкова Нина Илькамовна (lingvo_2012@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»